

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра зарубежной филологии и прикладных коммуникаций
ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему: «Сравнительно-сопоставительный анализ романов П. Мериме
«Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго»»

Исполнитель _____ Торопова Алина Андреевна _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ к.ф.н, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Нужная Татьяна Владимировна _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

И.о. заведующей кафедрой

_____ к.ф.н., доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Крючкова Юлия Викторовна _____

Санкт-Петербург

2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Оглавление.....	2
Введение.....	4
Глава I. Пути развития французского исторического романа в XIX в.....	10
1.1 Становление жанра исторического романа во Франции до середины XIX в.....	10
1.2 Специфика сравнительно-исторического изучения жанра исторического романа.....	16
Выводы по Главе I.....	20
Глава II. История Франции (Варфоломеевская ночь) на страницах романов романов П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго».....	22
2.1 Идеино-тематический план.....	22
2.2 Исторические события и лица, их прототипы.....	32
2.3 Особенности языка.....	32
Выводы по Главе II.....	44
Заключение.....	46
Список использованной литературы.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Творчество А. Дюма (1802-1870) и П. Мериме (1803-1870) по-прежнему привлекает внимание не только читателей, но и исследователей французской литературы и языка. Важнейшие проблемы творчества П. Мериме, связанные с особенностями жанра, поэтики, своеобразия языка рассматриваются в работах Б.Г. Реизова [Реизов 1958], В.А. Лукова [Луков 1983; Луков 2006], И.Л. Золоторева [Золотарев 2022], Р. Матта [Mathe 1975], А. Рэтта [Raitt 1997] и др. В том же ключе исследование творчества А. Дюма занимались Т.В. Вановская [Вановская 1940], М.М. Мишина [Мишина 1993], Ч. Гривель [Grivel 1986; Grivel 1987; Grivel 1997], Ф. Бассан [Bassan 1978] и др. В XXI в. не угасает интерес к литературному наследию А. Дюма и П. Мериме, о чем свидетельствуют работы О.Л. Бейнарович [Бейнарович 2002], Ф.Г. Рябова [Рябов 2003], А.Л. Вышкина [Вышкин 2009], П.А. Макаровой [Макарова 2013], А. Степановой [Stepanova 2022], С. Торель-Кайето [Thorel-Cailleteau 2010], М. Матарне [Matarneh 2012] и др. Особый интерес вызывают исторические романы П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго», поскольку в них воссоздается одно из наиболее страшных переломных событий европейской истории – Варфоломеевская ночь (1572), его предпосылки и последствия. Сквозь призму этой трагедии писатели рассматривают и национальную историю, и судьбы тысяч французов, которых коснулось это событие. Варфоломеевская ночь становится символом всех прошлых и будущих политических и религиозных преступлений. Переосмысление событий 1572 г. важно для осознания вневременных человеческих ценностей – любви, веротерпимости и согласия.

Анализ научной литературы показал, что при всем разнообразии исследований, в которых ученые обращаются к творчеству А. Дюма и П. Мериме, литературоведы чаще всего исследуют соотношение истории и вымысла в их произведениях. Образ Варфоломеевской ночи в романах П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго»

по-прежнему остается не до конца осмысленным и изученным, ранее он не становился предметом специального изучения в отечественном литературоведении. Между тем, особенно эффективным нам представляется изучение особенностей художественного воспроизведения событий 1572 г. во Франции путем сравнения двух литературных произведений, написанных французскими писателями практически в одно и то же время (в пределах двух десятилетий) и освещающих данный исторический эпизод. Так, **актуальность** овлена важностью заполнения вышеуказанного пробела в литературоведении путем анализа романов П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго», определения авторского новаторства в осмыслении и изображении Варфоломеевской ночи, ее предпосылок и последствий, трансформации образа этого события от П. Мериме к А. Дюма.

Помимо этого, сравнительное литературоведение в наши дни является актуальным направлением для исследований. Сравнительно-исторический анализ считается одним из самых эффективных для проведения исследований в области филологии, так как он «... позволяет найти связующие нити аналогий, родства и влияния, сближает отдаленные или близкие в пространстве и времени литературные тексты между собой, чтобы лучше их понять, описать или оценить и в результате воссоздать картину литературного процесса» [Петренко 2020, с. 264]. Вместе с тем ученые в XXI в. продолжают отстаивать расширение границ применения сравнительно-исторического метода в литературоведении [Галай 2011; Петренко 2020], что авливает важность разработки данной проблемы.

Цель данной работы – определить особенности изображения исторических событий 1572 г. в романах П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго».

Для достижения данной цели были поставлены следующие теоретические и практические **задачи**:

1. Изучить становление жанра исторического романа во Франции;
2. Определить специфику применения сравнительно-исторического метода;

3. Проанализировать особенности изображения Варфоломеевской ночи в романах П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго» в их сопоставлении.

В исследовании были применены следующие **методы**:

- Сравнительно-исторический метод. А.С. Бушмин [Бушмин 1969], В.М. Жирмунский [Жирмунский 1979], А.Н. Веселовский [Веселовский 1989], А.А. Потебня [Потебня 1989] произвели наиболее полное и систематизированное изучение сравнительно-исторического метода в литературоведении на начальных этапах его развития. А.Н. Веселовский отмечает: «Метод сравнительный <...> есть только развитие исторического» [Веселовский 1989, с. 37]. Ученый утверждает, что исследование должно раскрывать закономерности литературного процесса в их овленности общими закономерностями исторического развития, в своих работах он рассматривал влияние культурно-исторического контекста на художественные произведения. Так, в настоящем исследовании сравнительно-сопоставительный метод помогает выявить специфику изображения П. Мериме и А. Дюма событий французской истории (Варфоломеевской ночи). Сходства и различия (идей и тем, образов, сюжетов и др.) обуславливаются особенностями социально-исторического контекста, к которому принадлежат романы П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго». Сравнительно-исторический метод также используется для выявления жанровой специфики анализируемых романов, сложившейся в условиях неоднородного перехода от романтизма к реализму во французской литературе первой половины XIX в.;
- Структурно-типологический метод. По Ю.М. Лотману, «в основе структурного анализа лежит взгляд на литературное произведение как на органическое целое» [Лотман 1996, с. 25]. Текст в этом анализе не воспринимается как механическая сумма составляющих его элементов, «отдельность» этих элементов теряет абсолютный характер: каждый из

них реализуется лишь в отношении к другим элементам и к структурному целому всего текста. Согласно М.Б. Храпченко, типологическое изучение предполагает сопоставление литературных явлений как исходное начало их научного анализа и раскрытие тех принципов и начал, которые позволяют говорить об известной литературно-эстетической общности [Храпченко 1968]. Такой подход дает возможность осмыслить творчество отдельного писателя и представить его в литературном контексте эпохи, выявить общность литературных и мировоззренческих позиций разных авторов и увидеть творческую индивидуальность на фоне общих тенденций. Структурно-типологический метод применяется при выявлении общих и индивидуально-авторских особенностей восприятия и изображения писателями лиц, судеб, событий, связанных с Варфоломеевской ночью. Он позволяет детально и систематически рассмотреть поэтику данных романов на всех уровнях художественного текста.

Объектом исследования является романное творчество французских писателей П. Мериме и А. Дюма. **Предметом** исследования являются универсальные и индивидуально-авторские черты художественного воспроизведения исторических событий.

Материалом исследования послужили романы П. Мериме «La Chronique du règne de Charles IX» (1829) и А. Дюма «La reine Margot» (1845) на языке оригинала. Выбор материала обусловлен тем, что вышеуказанные произведения были написаны в первой половине XIX в. на французском языке, в них художественно воссоздаются события 1572 г., произошедшие во Франции. Выборка также является репрезентативной для утверждения эффективности литературоведческого сравнения отдельных произведений, написанных на одном языке, поскольку избранные романы отвечают этому требованию, они известны и принадлежат перу выдающихся французских писателей.

Методологической основой работы являются труды Ф.И. Буслаева [Буслаев 1917], А.С. Бушмина [Бушмин 1969], А.А. Потебни [Потебня 1989],

А.Н. Веселовского [Веселовский 1989], Ю.И. Минералова [Минералов 2017], В.М. Жирмунского [Жирмунский 1979], А. Дима [Дима 1977], Д. Дюришина [Дюришин 1979] и др. по сравнительному литературоведению (компаративистике); научные работы по зарубежному историческому роману Б.Г. Реизова [Реизов 1958], А.Г. Баканова [Баканов 1989] и др. и современные исследования художественной специфики данного жанра Б.М. Жачемуковой [Жачемукова 2011], Ж. Жанжамбра [Gengembre 2006] и др.; исследования творчества А. Дюма и П. Мериме Т.В. Вановской [Вановская 1940], В.А. Лукова [Луков 1983; Луков 2006], М.М. Мишиной [Мишина 1993], О.Л. Бейнаревич [Бейнаревич 2002], Ф.Г. Рябова [Рябов 2003], А.Л. Вышкина [Вышкин 2009], П.А. Макаровой [Макарова 2013], И.Л. Золоторева [Золотарев 2022], А. Степановой [Stepanova 2022], Р. Матта [Mathe 1975], Ф. Бассана [Bassan 1978], Ч. Гривеля [Grivel 1986; Grivel 1987; Grivel 1997], Э. Вьеннот [Viennot 1994], А. Рэтта [Raitt 1997], П. Глода [Glaudes 2003], С. Торель-Кайето [Thorel-Cailleteau 2010], М. Матарне [Matarneh 2012] и др.

Научная значимость работы заключается в том, что в рамках студенческого исследования впервые проводится структурно-типологический и сравнительно-исторический анализ, который позволяет на материале французских романов П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго» увидеть особенности национального восприятия истории (Варфоломеевской ночи).

Результаты проделанной работы могут найти **практическое применение** при изучении дисциплин «История французской литературы» и «Филологический анализ текста», а также в дальнейших исследованиях исторических романов П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго».

Структура выпускной квалификационной работы включает в себя введение, две главы, заключение, список использованной литературы.

Во введении обозначена актуальность исследования, поставлены цель и задачи работы, представлены методы, объект и предмет, методологическая база, структура исследования.

Глава I посвящена теоретическим вопросам, связанным с жанром исторического романа во французской литературе. Рассматривается специфика французского исторического романа XIX в., а также специфика сравнительно-исторического изучения жанра исторического романа.

Глава II работы посвящена проведению сравнительно-сопоставительного анализа романов П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго». Изучаются идейно-тематические и языковые особенности произведений в отдельности и относительно друг друга. Определяются универсальные и индивидуально-авторские черты художественного воспроизведения исторических событий и лиц, их прототипов.

В заключении представлены результаты исследования.

Список использованной литературы состоит из 60 наименований на русском, французском и английском языках.

Выпускная квалификационная работа прошла **апробацию**.

Результаты исследования были представлены в качестве докладов на: финальном этапе Всероссийской научно-практической конференции им. Ж. Алферова «Филология и литературоведение» (Санкт-Петербург, 6 ноября 2023 г.), XVI Международной конференции на английском языке «Диалог культур» (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 20-21 апреля 2023 г.), Всероссийской научно-практической конференции на английском, немецком и французском языке «Диалог поколений: изучаем, обучаем, учимся» (Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 17-19 мая 2023 г.), 12-й Всероссийской студенческой научно-практической конференции (с международным участием) «Мультикультурный мир: проблемы прикладных наук и коммуникаций», где работа была отмечена дипломом II степени

победителя секции «Современные исследования в литературоведении» (Санкт-Петербург, 22 мая 2023 г.).

Помимо этого, материалы исследования были представлены на III межвузовском конкурсе студенческих научных работ «Литературы Западной Европы: авторы, контексты, тексты» (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 22 июня 2023 г.), по результатам которого была награждена дипломом I степени. Результаты исследования были опубликованы на русском, английском и французском языках в сборниках научных конференций, включенных в перечень РИНЦ.

ГЛАВА I. ПУТИ РАЗВИТИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА В XIX В.

1.1 Становление жанра исторического романа во Франции до середины XIX в.

Сегодня существуют различные определения жанра исторического романа. Б.М. Жачемукова отмечает, что наиболее общим определением является следующее: «Исторический роман – роман, действие которого разворачивается на фоне исторических событий» [Жачемукова 2011, с. 19]. Можно заметить, что данное определение не позволяет однозначно отделить непосредственно исторический роман от ряда других произведений, в которых сюжет практически всегда разворачивается на историческом фоне. А.Г. Баканов определяет исторический роман как «произведение романной прозы, в котором на основе научного изучения прошлого с помощью системы специфически художественных средств с позиций историзма воссоздаются события, имеющие реально-историческую почву и увиденные автором в свете исторической перспективы» [Баканов 1989, с. 35]. В работе мы будем придерживаться данной дефиниции, так как она является довольно исчерпывающей в сравнении с большинством прочих.

Становление исторического романа в привычном современному читателю виде было бы невозможным без развития исторической науки, показавшей связь разных эпох, их сходства и различия. Она выявила, что именно мировоззрение, идеи и чувства людей, особенности национального колорита в совокупности формируют культурное единство, определяющее своеобразие эпохи. Д. Благой описывает предпосылки возникновения исторического романа: «Восставая против рационалистических абстракций классицизма XVIII в., требуя в противовес им точной и согласной с действительностью разработки времени (*couleur historique*) и места (*couleur locale*), в рамках которых располагается действие данного художественного произведения, романтики указали и метод

такой реставрации» [Благой 1925, с. 137]. При этом, несмотря на то, что жанр требует правдоподобия, как отмечает Н.А. Приймакова, «наше знание истории всегда будет неточным, то есть приблизительным – и в исторической науке, и в художественном творчестве. Правда, последнее обладает, в отличие от науки, одним важнейшим качеством – оно познает и изображает историю в живых лицах, картинах, событиях, фактах, что создает впечатление “всамделишности” происходящего. Трудность и сложность исторического творчества в том и состоит, что в нем художник должен быть одновременно и художником, и историком, чтобы его творение было и искусством, и историей» [Приймакова 2003, с. 5].

Автор исторического романа, опираясь на документы, создает собственный художественный мир с уникальным взглядом на реальные события. В то время как историк «реставрирует» прошлое по сохранившимся документам, перед писателем стоит еще одна сложнейшая задача – заполнить пробелы, которые невозможно восстановить [Вышкин 2009].

В переломные моменты эпохи внимание к историческому роману всегда возрастает. В сложные времена человечество обращается к истории, чтобы найти ответы на вопросы о будущем развитии цивилизации, провести аналогии и сделать определенные выводы. Так случилось и после 1789-1815 гг., когда Европа всего за три десятилетия пережила огромное количество серьезных потрясений (Великую французскую революцию 1789 г., наполеоновские войны 1805-1815 гг. и др.). Тогда эти события перестали восприниматься как нечто естественное, как случайные единичные случаи, их общественно-исторический характер стал более очевидным [Лукач 2014].

По утверждению Б.Г. Реизова, во Франции исторический роман в различных проявлениях существовал на протяжении множества столетий, однако эпохой исторического романтизма исследователь называет относительно короткий период – 20–30-е годы XIX в. Важно отметить, что в это время во французской литературе от романтизма отделяется новое направление – реализм, однако в это время направления еще не противостоят друг другу, они

даже не достаточно дифференцированы. Тем не менее, реализм начинает формировать собственные особенности, которые относительно романтизма, помимо прочего, характеризуются усилением принципов историзма и местного колорита.

Б.Г. Реизов отмечает значительное влияние исторических романов В. Скотта на творчество французских писателей [Реизов 1958]. В. Скотт считается «отцом» исторического романа, именно благодаря ему этот жанр стал активно развиваться в Европе. Начиная с 1814 г. из-под пера В. Скотта непрерывно выходило множество исторических романов. Сюжеты для своих произведений писатель находил в родной шотландской («Уэверли» (Waverley, 1814), «Роб-Рой» (Rob Roy, 1817), «Ламермурская невеста» (The Bride of Lammermoor, 1819), «Иванхоэ» (Ivanhoe, 1819), «Пертская красавица» (The Fair Maid of Perth, 1828) и др.), английской («Айвенго» (Ivanhoe, 1819) и др.) и европейской («Квентин Дорвард» (Quentin Durward, 1823), «Карл Смелый» (Anne of Geierstein, or The Maiden of the Mist, 1829), и др.) истории. Его романы охватывают события от Нормандского завоевания Англии в начале XI в. до XVIII в. Они признаются одними из лучших образцов исторического романа в мировой литературе всех времен. Феномен исторического романа В. Скотта овлен завидным мастерством и эрудированностью автора; его умением правдоподобно и детально воссоздать особенности быта, характеров и языка эпохи Средневековья. Более того, исторические романы В. Скотта крайне актуальны для своего времени ввиду того, что они стали «ответом на проблемы, поставленные перед европейским сознанием революционной эпохой» [Реизов 1958, с. 201]. Успех В. Скотта отразился на всей европейской литературе: в той или иной степени его влиянием отмечен каждый исторический роман первой половины XIX в., включая такие значимые произведения, как «Сен-Марс» (Cinq-Mars ou Une conjuration sous Louis XIII, 1826) А. де Виньи, «Ган Исландец» (Han d'Islande, 1823) и «Собор Парижской богородицы» (Notre-Dame de Paris, 1831) В. Гюго и «Хроника царствования Карла IX» П. Мериме [Благой 1925].

Несмотря на то, что славу «отца» жанра сыскал В. Скотт, честь выпуска в свет первого исторического романа принадлежит французскому писателю Ф.Р. де Шатобриану, написавшему «Мучеников, или Триумф христианской веры» (*Les Martyrs, ou le Triomphe de la foi chrétienne*, 1809). Ф.Р. де Шатобриан посетил все места, в которых происходит действие его романа (Иерусалим, Афины и Рим) ради возможности лично проанализировать *la couleur locale*. После него это стало обязательным условием для создания исторического романа.

Задача исторического романа – показать события и людей в условиях определенного исторического периода. Важно подчеркнуть, что эта задача предполагает не точное воссоздание реальных событий, а художественное воспроизведение участия людей в них. В связи с этим критика, звучавшая в адрес жанра исторического романа на этапе его зарождения и обвинявшая авторов в недостоверности приводимых в произведениях исторических сведений (с такой критикой выступали, например, французские историки О. Тьерри и Ж. Мишле), представляется Б.Г. Реизову некорректной. Авторы художественной прозы не стремятся провести безупречное историческое исследование или же установить истинность исторических утверждений. По утверждению Б.Г. Реизова, отделить реальных персонажей произведений Скотта от вымышленных возможно лишь «разрушив само художественное произведение и из его обломков построив некую абстракцию, на которую сам В. Скотт как историк и романист был неспособен» [Реизов 1965, с. 198].

Исторический роман в привычном для современного читателя виде оформился в начале XIX столетия. Были и более ранние попытки обратиться к истории для того, чтобы найти в нем идеи для сюжета художественного произведения. Например, в средневековом западноевропейском эпосе («Песнь о Роланде» (*La Chanson de Roland*), «Сказание о Сиде» (*Cantar de mio Cid*)). Однако эти произведения не являются авторскими и в них не присутствуют в явном виде особенности романтизма, направления, с которым связывается рождение жанра.

Следует отметить, что успех жанра был долгосрочным. Более двух веков к нему обращалось несчетное количество писателей, причем многие из них внесли значимый вклад в сокровищницу мировой литературы.

Европейским историческим романам XIX–XX вв. присущи черты как романтизма, так и реализма, причем зачастую представляется довольно сложным их четкое выявление и разделение. К концу XIX в. исторический роман представляет собой многоплановый жанр, в эту эпоху ему свойственны глубокий психологизм и следование принципам реализма. Писатели используют исторический материал для поднятия актуальных вопросов и рассмотрения важнейших проблем своего времени [Реизов 1958].

В ходе развития жанра в рамках романтизма в 40-х гг. XIX в. история в нем становится лишь фундаментом для активного развития романа приключенческого. Наиболее известные образцы авантюрно-исторического романа представлены в творчестве А. Дюма, чья библиография включает огромное количество захватывающих произведений, сюжеты которых охватывают все полотно французской истории до революции 1789 г. включительно [Благой 1925].

Также можно обратить внимание на то, что редакторы «Литературной энциклопедии терминов и понятий» относят романы А. Дюма к историческому роману, а П. Мериме – к произведениям художественной исторической прозы: «В конце 18 – начале 19 в. И.п. не только оказывала влияние на исторический роман (А. Дюма, В. Гюго), но, в свою очередь, использовала опыт писателей-романтиков, а также В. Скотта (Ф. Гизо и О. Тьерри во Франции, Т. Карлейль в Англии). Во второй половине 19 и 20 в. историография окончательно отделяется от литературы; однако исторические сочинения П. Мериме, некоторые труды Ж. Мишле, Т. Маколея, И. Тэна, Ж. Э. Ренана, русских историков – С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Е.В. Тарле стоят на высоком литературном уровне и могут рассматриваться как произведения художественной И.п.» [Николукин 2001, с. 329-330], историческая проза же определяется как «... сочинения историков, ставивших своей задачей не только

установление фактов прошлого, но и яркое, живое их изображение» [Николукин 2001, с. 325].

1.2 Специфика сравнительно-исторического изучения жанра исторического романа

Термин «сравнительное литературоведение» возник во Франции по аналогии с термином Ж. Кювье «сравнительная анатомия». Синонимы, обозначающие данное (или сходное) направление литературоведения: сравнительно-историческое изучение литератур, сравнительное литературоведение, литературоведческая компаративистика.

Сравнительно-исторический метод доказал свою эффективность для проведения исследований в рамках многих гуманитарных наук, в том числе языкознания и литературоведения. К.Н. Галай пишет: «Литературоведческая компаративистика на современном этапе развития считается одним из ведущих направлений в филологии и входит в основные дисциплины литературоведческой науки, наряду с теорией литературы, историей литературы и литературной критикой. Необходимость выделения этого направления продиктовано расширением взаимовлияния культур, а также начинающимся процессом стирания границ между национальными культурами и литературами – тем, который Гете именовал “мировой литературой”» [Галай 2011, с. 16].

Разработкой проблем сравнительного литературоведения занимались А.С. Бушмин [Бушмин 1969], А.Н. Веселовский [Веселовский 1989], Ю.И. Минералов [Минералов 2017], В.М. Жирмунский [Жирмунский 1979], А. Дима [Дима 1977], Д. Дюришин [Дюришин 1979]. Благодаря их трудам значительно обогатились способы и методы проведения сравнительного анализа литератур разных стран, направлений и течений, произведений зарубежных и отечественных писателей.

Считается, что становление литературоведческой компаративистики как отдельного предмета филологического изучения приходится на XIX в. В то

время зарубежные ученые предлагали множество эмпирических сопоставлений, однако те зачастую не были последовательны, что отмечено в антологии «Литературная компаративистика» [Шайтанов 2021] в частности. Так, именно отечественные ученые – Ф.И. Буслаев [Буслаев 1917], А.А. Потебня [Потебня 1989], А.Н. Веселовский [Веселовский 1989] произвели наиболее полное и систематизированное изучение этой области литературоведения на начальных этапах ее развития. Ф.И. Буслаев отмечает: «Сравнительный метод состоит не из набора разных клочков того и сего, выхваченных из Персии или Индии, из раскопок русских курганов, да наугад брошенных ссылок на Туран и татарщину с желтыми расами центральной Азии, а в точном аналитическом разборе действительных фактов известного места и времени, кои подлежат рассмотрению» [Буслаев 1917, с. 40].

Разработкой проблемы теоретического обоснования и практического применения сравнительного метода занимался и А.А. Потебня [Потебня 1989; 1976], опиравшийся в значительной степени на научные достижения В. фон Гумбольдта. Потебня сравнивал фольклорный и литературный материал через использование ключевого понятия внутренней формы. Ученый доказывал целесообразность выхода сравнительного и исторического метода за пределы языкознания: «Это столько же методы, пути исследования, сколько и основные истины науки» [Потебня 1989, с. 55].

Сущность сравнительного метода сформулировал академик А.Н. Веселовский: «Метод сравнительный <...> есть только развитие исторического, тот же исторический метод, только учащенный, повторенный в параллельных рядах, в видах достижения возможно полного обобщения» [Веселовский 1989, с. 37]. В.М. Жирмунский утверждает, что в XIX в. Веселовский признавался ведущим теоретиком сравнительного литературоведения как у себя на Родине, так и в странах Европы. Именно в научных трудах академика компаративистика «из частной проблемы изучения “влияний” и “заимствований” вырастает в принципиальную установку исследования, направленного на раскрытие закономерностей историко-литературного процесса в их овленности общими

закономерностями социально-исторического развития» [Жирмунский 1979, с. 84]. Особенность научного метода А.Н. Веселовского состоит в том, что он «никогда не теряет из виду общих закономерностей исторического и литературного процесса» [Жирмунский 1979, с. 85].

Примечательным трудом по компаративистике является доклад «Литературные течения как явление международное» В.М. Жирмунского, в котором ученый подчеркивает, что сравнение было и является основной методикой научного исследования. Тем не менее литературовед отмечает, что качественное сравнительное исследование отличается тем, что каждое сходство и различие в нем подтверждается посредством приведения аргументов в виде исторических фактов. Ученый пишет: «Сравнение не уничтожает специфического качества изучаемого явления (индивидуального, национального, исторического); напротив, только с помощью сравнения можно установить, в чем заключается это качество» [Жирмунский 1979, с. 137].

На рубеже XX-XXI вв. интерес к литературоведческой компаративистике вспыхивает с новой силой, благодаря чему начинается новый виток ее развития, особенно в отечественной науке. В 90-е гг. в университетах появляются профильные кафедры и соответствующие специализации. Например, в РГГУ (1992) и МГУ им. М.В. Ломоносова (1994). Регулярно издаются сборники научных трудов, посвященные сравнительному методу в филологии: «Художественный перевод и сравнительное литературоведение» (под редакцией Д.Н. Жаткина), труды ИМЛИ РАН и др.

В некоторых случаях понятие «сравнительное литературоведение» толкуется узко – как сравнительное изучение литератур, в некоторых – компетенции компаративистики призывают расширить до сопоставления отдельных авторов внутри национальной литературы.

Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», «Сравнение – познават. операция, лежащая в основе суждений о сходстве или различии объектов; с помощью С. выявляются количеств. и качеств. характеристики

предметов, классифицируется, упорядочивается и оценивается содержание бытия и познания» [Ильичев 1983, с. 650].

У сравнительно-исторического метода существует множество дефиниций, учитывающих специфику науки, внутри которой он применяется. Так, тот же «Философский энциклопедический словарь» определяет данный метод следующим образом: «Науч. метод, с помощью которого путем сравнения выявляется общее и особенное в историч. явлениях, достигается познание различных историч. ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений; разновидность историч. метода» [Ильичев 1983, с. 650].

Более узкое трактование сравнительно-историческому литературоведению дает «Литературная энциклопедия терминов и понятий»: «... (компаративизм, компаративистика; лат. *comparativus* – сравнительный), раздел науки о литературе, изучающий сходства и различия, связи и взаимовлияния литератур стран и народов мира» [Николюкин 2001, с. 1022]. Данное определение ограничивает сферу применения компаративистики сопоставлением национальных литературных традиций. С подобной формулировкой не соглашается множество исследователей, указывая, что сравнительно-исторический метод может использоваться для изучения двух или более отдельных произведений в частности, о чем будет сказано далее. Отсутствие общепринятых четких границ использования литературоведческой компаративистики создает вокруг нее активную полемику, формирует актуальность исследования вышеуказанного метода в филологии.

Тем не менее на текущем этапе развития ученые преимущественно склоняются к тому, что компаративистику «можно определить как общую дисциплину, которая исследует связи, изменения, общее и различное между литературами, своеобразие межлитературных связей и влияния, а также особенности литературного развития, которые простираются над языковыми границами и определяют своеобразие литератур. Пределы компетенции компаративистики постоянно расширяются в сфере жанров, стилей,

литературных течений и направлений и постепенно входят в сферу общего литературоведения» [Галай 2011, с. 19].

Так, по мнению Ю.И. Минералова, для сравнительного литературоведения неприемлема узость, потому что «компаративистика проявляет весь спектр своих возможностей только тогда, когда ведет сравнение не только между национальными литературами, но и внутри той или иной литературы, а также не чуждается сопоставления литературных феноменов с разнообразными фактами из других искусств (особенно музыки и живописи)» [Минералов 2017, с. 11]. Ученый критикует идею ограничения сферы применения литературоведческой компаративистики одним лишь сравнением национальных литератур и их представителей. Д. Дюришин, словацкий литературовед-компаративист, придерживается того же мнения: «Последовательное толкование смысла компаративистики не допускает полного исключения из нее каких бы то ни было генетических или типологических связей» [Дюришин 1979, с. 61].

Ю.И. Минералов считает, что «сравнение – один из эффективнейших методов литературоведческого анализа. <...> Сфера применения литературоведческого сравнения чрезвычайно широка» [Минералов 2017, с. 6]. Ученый предлагает сравнивать литературу с другими видами искусства; разные литературные традиции; творчество писателей; конкретные произведения, написанные как на разных языках, так и на одном и том же. По его мнению, сравнение возможно в сюжетно-композиционном, стилевом, идейно-содержательном и других аспектах. В предисловии к труду «Сравнительное литературоведение (компаративистика)» И.Г. Минералова пишет о том, что его «автор побуждает всякого, кто стремится понять поэтику и индивидуальный стиль, национальный стиль, стиль культурной эпохи, рассматривать любое литературное явление в связи, сравнении и сопоставлении, в историческом движении» [Минералов 2017, с. 4]. Ввиду того, что ученые видят суть сравнительно-исторического литературоведения в

изучении явлений в сравнении и сопоставлении, для достижения цели данной работы был выбран сравнительно-сопоставительный анализ.

Более того, Ю.И. Минералов убежден, что компаративистика не может обходиться без сопоставления творческих индивидуальностей, так как именно их сравнение «дает этой научной дисциплине ее базовый эмпирический материал» [Минералов 2017, с. 11]. Особое внимание Ю.И. Минералов уделяет идее эффективности сравнения произведений разных авторов на одном языке: «Основываясь на одном и том же национальном языке, настоящие писатели продолжают качественно отличаться в своем творчестве друг от друга, так как создают свои личные (индивидуальные) стили, т. е. создают особые уникальные позиции в мировидении и мировосприятии» [Минералов 2017, с. 11]. Ученый утверждает, что литературоведение относится к числу наук, внимание которого сосредоточено на специфике индивидуального.

В контексте данного исследования также можно привести слова советского литературоведа А.С. Бушмина об эффективности сравнения работ отдельных писателей с целью подчеркивания их индивидуальности: «Наука не может обойтись без генерализации, без выявления общего в писателях, без раскрытия тех связей, которые объединяют их в то, что называется литературой данного времени, общим историко-литературным процессом. Только на основе известной общности писателей и можно установить различия между ними, выявить неповторимые черты каждого в отдельности» [Бушмин 1969, с 49].

Дюришин отмечает, что литературные «анalogии и отличия должны рассматриваться не только на фоне литературных направлений, жанров и жанровых форм, но в то же время и под углом зрения таких слагаемых художественного произведения, как идейно-психологическая направленность, характеристика персонажей, композиция и сюжетосложение, мотивы, образная система, художественные приемы и средства, элементы метрической организации и прочие компоненты произведения» [Дюришин 1979, с. 177-178]. Так, литературоведу необходимо обладать достаточными навыками анализа художественного текста, уметь правильно находить и интерпретировать

авторские средства художественной выразительности, отличаться наличием исключительной филологической компетенции для того, чтобы эффективно применять сравнительный метод.

Выводы по Главе I

В различных формах исторический роман существовал во Франции множество столетий, однако окончательно он оформился лишь в эпоху романтизма. Великая Французская революция 1789 г., наполеоновские войны 1803-1815 гг. и ряд других крупных потрясений в Европе в конце XVIII и в начале XIX вв. повлекли за собой объединение людей, столкнувшихся с общим несчастьем. Сплочение поддерживалось посредством размышлений на тему общенародного прошлого. 20-30-е годы XIX в. – эпоха исторического романтизма. Развитие исторической науки, а также творчество В. Скотта оказало определяющее влияние на все произведения, относящиеся к анализируемому жанру. В. Скотта называют «отцом» исторического романа. «Хроника царствования Карла IX» П. Мериме признается одним из выдающихся исторических романов первой половины XIX в., некоторые исследователи относят его произведение к художественной исторической прозе. Задача исторического романа – показать события и людей в условиях конкретной эпохи, однако она предполагает не детальное описание важных исторических событий, а художественное воспроизведение участия людей в них. После 30-х годов XIX в. романтический французский исторический роман претерпевает некоторые изменения, в результате которых история в нем зачастую становится лишь удобным фоном для развертывания приключенческого сюжета. Мастером авантюрно-исторического романа признается А. Дюма.

Для языкознания и литературоведения сравнительно-исторический метод исследования является ключевым. На данном этапе компаративистика считается одним из ведущих направлений в филологии и входит в основные

дисциплины литературоведческой науки. С помощью сравнительно-сопоставительного анализа представляется возможным раскрыть закономерности историко-литературного процесса, установить качество исследуемого объекта. Сфера применения компаративистики постоянно расширяется, она охватывает как сравнительное изучение отдельных литератур, так и сопоставление произведений отдельных авторов, принадлежащих к одной национальной литературе. Ряд ученых утверждает целесообразность сравнения творческих индивидуальностей, акцентирует внимание на эффективности сопоставления художественных текстов разных авторов на одном языке, так как именно при таком сравнении можно выявить уникальные, индивидуальные позиции в мировидении и мировосприятии. Причем аналогии и отличия должны рассматриваться углом зрения таких слагаемых художественного произведения, как идейная направленность, характеристика персонажей, композиция и сюжетосложение, мотивы, образная система, художественные приемы и средства и прочие компоненты произведения

Специфика сравнительно-исторического изучения жанра исторического романа во французской литературе XIX в. овлена неоднородным переходом от романтизма к реализму. Во многих образцах жанра первой половины XIX в. тесно переплетаются черты этих направлений, в период активного развития исторического романа во Франции они еще не были достаточно дифференцированы. Так, несмотря на то, что из двух анализируемых в данном исследовании произведений роман П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» был написан на 16 лет раньше (в 1820-е гг., когда во французской литературе ведущим направлением являлся романтизм), предисловие к нему является значимым документом в истории становления реализма. Роман А. Дюма «Королева Марго», напротив, сохраняет множество черт романтизма, в нем изображение истории (Варфоломеевской ночи) принципиально отличается. Так, чтобы определить рецепцию исторического события от П. Мериме к А. Дюма при сравнении мы будем опираться на особенности социокультурного контекста и литературного направления, к которому принадлежал каждый из авторов.

ГЛАВА II. ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ (ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ) НА СТРАНИЦАХ РОМАНОВ П. МЕРИМЕ «ХРОНИКА ЦАРСТВОВАНИЯ КАРЛА IX» И А. ДЮМА «КОРОЛЕВА МАРГО»

2.1 Идеино-тематический план

Роман П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» был написан в эпоху романтизма, однако мы не находим отражения всех принципов данного направления в анализируемом произведении. Несмотря на то, что хронотопом романа является один из ключевых эпизодов французской истории, как отмечает Е.Г. Петраш в труде «История зарубежной литературы XIX века», «это отнюдь не связано с романтическими пристрастиями к прошлому» [Соловьева 1991, с. 497]. Подтверждение того, что при создании произведения Мериме руководствовался принципом историзма и желанием объективно изобразить события прошлого, мы находим в предисловии к роману. Петраш пишет, что оно является «одним из примечательных эстетических документов в истории становления критического реализма во Франции» [Соловьева 1991, с. 498]. Предисловие к «Хронике царствования Карла IX» полемически заострено и резко направлено против романтиков. Иными словами, Мериме настойчиво претендует на историзм в своем желании воспроизвести действительность Франции второй половины XVI в. Он называет свое произведение «хроникой», тем самым выражая намерение достоверно изложить описываемые события. Свою принципиально важную задачу автор видит в том, чтобы создать «... une peinture vraie des mœurs et des caractères à une époque donnée» [Mérimée 1890, с. 4] («... подлинное изображение нравов и характеров данной эпохи») (Перевод наш. – А. Т.). При этом Мериме считает, что воспоминания и записки очевидцев, простых людей, живших в то время и запечатлевших облик той поры, имеют гораздо большую ценность, чем многотомные труды историков. Признание того, что Мериме удалось реализовать намерение воскресить в своем романе нравы эпохи мы находим в трудах исследователей. Так,

французский литературовед Л. Мегрон в своем научном труде «Le Roman historique à l'époque romantique» пишет: «... c'est la reconstitution même et la résurrection de l'époque de Charles IX dans toute la variété et la vérité de ses passions et de ses sentiments essentiels» [Maigron 1898, с. 333] («... это воссоздание и воскрешение эпохи правления Карла IX во всей истинности и во всем многообразии ее страстей и важнейших переживаний») (Перевод наш. – А. Т.).

Полемика на тему историзма произведений А. Дюма между исследователями ведется по сей день. Многие ученые не признают историчности романов «плаща и шпаги», и с этим мнением сложно не согласиться, когда предметом обсуждения являются классические, образцовые произведения данного типа, такие как, к примеру, трилогия о мушкетерах, в которой приключенческие элементы явно выходят на первый план [Вышкин 2009]. К тому же, Дюма признавался: «Что такое история? <...> Это гвоздь, на который я вешаю свои романы» [Моруа 2022, с. 208]. Однако серьезные романы 50-х и 60-х годов о Великой французской революции, которые с уверенностью определяют как исторические, показывают, что творчество Дюма отнюдь не однозначно. Трилогия, образуемая романами «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять», созданная в 1845-1848 гг., была опубликована уже после выхода в свет произведений, приближающихся к жанру roman populaire [Макарова 2013], которые принесли автору мировую славу, – «Трех мушкетеров» (Les trois mousquetaires, 1844) и «Графа Монте-Кристо» (Le Comte de Monte-Cristo, 1844-1846), – но до появления романов позднего периода. Книги, входящие в данную трилогию, находятся как бы в переходной позиции и сочетают в себе в приблизительно равной доле черты как исторического, так и приключенческого романа, что дает основание литературоведам использовать применительно к ним термин «авантюрно-исторический роман» [Вышкин 2009].

Размышляя о трагедии, произошедшей в канун дня святого Варфоломея, французские историографы традиционно останавливались на обвинении в

заговоре против гугенотов герцога Гиза и королевы-матери Екатерины Медичи, обладавшей огромным влиянием и фактически правящей Францией вместо сына. П. Мериме же не соглашается с мнением большинства историков и писателей. В предисловии к «Хронике царствования Карла IX» он пишет, что его интерпретация изображаемых в романе исторических событий в значительной степени отличается от общепринятой. Мериме рассматривает произошедшее Варфоломеевской ночью как своего рода государственный переворот, подготовленный людьми, стоящими у вершины власти, но неосуществимый без массовой поддержки народа, который в то время был охвачен религиозными предрассудками и ненавистью к протестантам. Мериме пишет роман о простых людях. Он берет за основу известное событие, чтобы объяснить исторические сдвиги не волей и коварством ограниченной группы людей, а умонастроениями каждого слоя населения. Именно в нравственной жизни и сознании французов, воспитанных в атмосфере религиозного фанатизма, в их духовном угасании, а не в кровожадности и преступности отдельных представителей правящих кругов Франции XVI в. Мериме видит причины, которые привели к трагедии Варфоломеевской ночи и междоусобным войнам. Опыт прошлого автор соотносит со своей современностью, что соответствует основным положениям исторического романтизма. Мериме хочет выяснить, лучше ли стали люди, но приходит к выводу, что поступки предков судить сложно, так как со временем взгляды на одни и те же вещи сильно меняются. Мериме пишет: «Ce qui est crime dans un état de civilisation perfectionné n'est que trait d'audace dans un état de civilisation moins avancé, et peut-être est-ce une action louable dans un temps de barbarie» [Mérimée 1890, с. 5-6] («То, что является преступлением в государстве с усовершенствованной цивилизацией, в государстве с менее развитой цивилизацией считается проявлением смелости, а в варварские времена может сойти за похвальный поступок») (Перевод наш. – А. Т.). Тем не менее его произведение является актуальными для 20-х годов XIX в., так как проблема религиозной нетерпимости во Франции в то время все еще не исчерпала себя. Напоминание

о национальной трагедии, повторение которой недопустимо, могло служить в таких условиях вполне уместным «уроком истории».

Как утверждает А. Моруа, замысел А. Дюма заключался в идее воскрешения истории Франции в серии романов, а дарованные природой вдохновение и чувство драматического помогли автору при определенных обстоятельствах мастерски воплотить свои идеи. Молодые французские писатели 20-х годов XIX в. шли по стопам В. Скотта, воспроизводившего в своих произведениях яркий исторический колорит. Однако А. Моруа отмечает: «Чтобы заинтересовать толпу жизнью королей и королев, фаворитов и министров, надо было показать ей, что под придворными нарядами таятся те же страсти, что и у простых смертных. В этом Дюма не имел себе равных» [Моруа 2022, с. 208]. Дюма любил историю, но он не стремился к званию ученого или исследователя. Его чувства не подкреплялись уважением, что проявлялось в вольности интерпретации и изображения исторических событий. Писатель допускал множество неточностей в интерпретации исторических фактов, относящихся как к хронологу, так и к системе образов. Это объясняется тем, что Дюма нужен был материал, переработав который, он смог бы продемонстрировать свой талант к созданию живых, с легкостью увлекающих внимание читателя произведений. Он знал, что нужно публике и удовлетворял ее интерес [Моруа 2022].

В массовости и отступлениях от исторической достоверности, которые служат для интенсификации романного действия, проявляются основные отличия романа Дюма от сравниваемого произведения. Однако его причинно-следственная трактовка описываемых событий не сильно разнится с идеями Мериме. У Дюма коварные планы Екатерины Медичи и Генриха Гиза выходят на первый план, но заговор также осуществляется лишь благодаря содействию враждебно настроенного народа.

В обоих романах субъектом выступает безличный повествователь, который не является ни участником событий, ни объектом изображаемого мира. В «Королеве Марго» нарратор на протяжении всего повествования

поддерживает контакт с имплицитным читателем при помощи подобных указаний: «Mais, nous l'avons dit...» [Dumas 1903, с. 17] («Но, как мы уже говорили...») (Перевод наш. – А. Т.), «Notre lecteur n'a pas oublié que dans le chapitre précédent...» [Там же, с. 94] («Наш читатель не забыл, что в предыдущей главе...») (Перевод наш. – А. Т.), «... pour la plus grande facilité de nos lecteurs...» [Там же, с. 95] («... для большего удобства наших читателей...») (Перевод наш. – А. Т.), «Maintenant, si le lecteur est curieux de savoir...» [Там же, с. 137] («Сейчас, если читателю интересно узнать...») (Перевод наш. – А. Т.), «... ce gentilhomme, que nos lecteurs ont sans doute reconnu sans peine...» [Там же, с. 402-403] («... этот господин, которого наши читатели, несомненно, узнали без труда...») (Перевод наш. – А. Т.) и т. п. Таким образом автор устанавливает равенство со своим адресатом, выражает намерение прислушиваться к его желаниям, показывать интересные ему эпизоды. Иными словами, повествование в «Королеве Марго» носит игровой характер, где всеведущий и всезнающий рассказчик детально описывает все важные для цельности нарратива эпизоды, при этом пытаясь скрыть собственную доминацию в угоду читателю, через «неполное знание» сближаясь с ним. Безусловно, и специфика романа-фельетона, для которого характерен постоянный диалог с читателем, напоминания о том, что было в прошлой главе и т. п., играет свою роль. Можно также отметить сентенции А. Дюма на различные темы, зачастую нравственные: «En effet, avec cette connaissance de l'avenir qui manque heureusement aux hommes, avec cette faculté de lire dans les cœurs qui n'appartient malheureusement qu'à Dieu, l'observateur privilégié auquel il eût été donné d'assister à cette fête, eût joui certainement du plus curieux spectacle que fournissent les annales de la triste comédie humaine» [Там же, с. 17] («В самом деле, со знанием будущего, которым, к счастью, не обладают люди, и способностью читать в сердцах, которая, к сожалению, дана лишь Богу, привилегированный наблюдатель, получивший возможность присутствовать на этом празднике, наслаждался бы самым любопытным спектаклем, который только можно найти в анналах печальной человеческой комедии») (Перевод наш. – А. Т.). Временное

дистанцирование от изображаемых событий помогает подчеркнуть образность демонстрируемой истории и сделать хронотоп многомерным, соединить эпохи в одну временную линию и показать судьбу Франции, при этом не позволив читателю полностью погрузиться в трагические реалии описываемого периода: «À l'époque où se passe l'histoire que nous racontons à nos lecteurs...» [Там же, с. 473] («В эпоху, в которую происходит рассказываемая нашим читателям история...») (Перевод наш. – А. Т.).

В структуре «Хроники царствования Карла IX» присутствует глава с красноречивым названием «Dialogue entre le lecteur et l'auteur», где писатель отвечает на вопросы своего адресата, пресекая попытки последнего свести повествование к описанию жизни королевской семьи и выдающихся придворных особ. П. Мериме иронизирует над запросами современного читателя и особенностями авторского присутствия в романтических произведениях XIX в., нашедшими свое отражение в частности в творчестве Дюма. Казалось бы, писатель идет на контакт с собеседником, но его ответы кратки, изворотливы и зачастую насмешливы: «– Et le duc d'Anjou? et le prince de Condé? et le duc de Guise? et Tavannes, Retz, La Rochefoucauld, Téliigny? et Thoré? et Méra? et tant d'autres? // – Ma foi, vous les connaissez mieux que moi. Je vais vous parler de mon ami Mergy. // – Ah je m'aperçois que je ne trouverai pas dans votre roman ce que j'y cherchais. // – Je le crains» [Mérimée 1890, с. 113] («– А герцог д'Анжу? А принц де Конде? А герцог де Гиз? И Таванн, Рец, Ларошфуко, Теленьи? И Торе? И Мера? И столько еще других? // – Ей боже, вы про них знаете лучше, чем я. Я буду рассказывать вам о моем друге Мержи. // – Ах, я так понимаю, что я не найду в вашем романе того, что искал. // – Боюсь, что так») (Перевод наш. – А. Т.). Мериме резко отрицает романтическую трактовку канонов исторического романа, включая и то, что протагонистами должны быть исторические личности. Писатель убежден, что не художественная литература, а историография должна заниматься жизнеописанием великих персоналий. Г. Лукач пишет, что Мериме даже «издевается над читателем, который требует, чтобы на всех личных

проявлениях Карла IX или Екатерины Медичи лежала печать демонизма» [Лукач 2014]. Так, например, читатель говорит о королеве-матери: «Faites-lui dire quelques mots un peu plus remarquables. Elle vient de faire empoisonner Jeanne d'Albret, au moins le bruit en a couru, et cela doit paraître» [Mérimée 1890, с. 112] («Заставьте ее сказать какие-нибудь более примечательные слова. Она только что велела отравить Жанну д'Альбре, по крайней мере прошла такая молва, это должно быть заметно по ней») (Перевод наш. – А. Т.). Автор отвечает: «Point du tout; car, si cela paraissait, où serait cette dissimulation si célèbre? Ce jour-là, d'ailleurs, j'en suis bien informé, elle ne parla d'autre chose que du temps» [Там же, с. 112] («Вовсе нет; ведь если бы это было заметно, то куда бы делось такое известное притворство? Более того, в тот день, о чем я отлично осведомлен, она не говорила ни о чем, кроме погоды») (Перевод наш. – А. Т.). Однако, лишая ведущие исторические фигуры героического характера, Мериме в некоторой степени приватизирует исторический процесс.

2.2. Исторические события и лица, их прототипы

В названиях обоих произведений упомянута царская особа, писатели используют антропонимы, однако и у П. Мериме, и у А. Дюма личности, указанные в названии, не являются главными героями произведений. Заглавие «Хроника царствования Карла IX» выражает хронотоп, что соответствует интенции автора создать исторический роман. У Дюма заглавие персонифицировано, но Маргарита Наваррская является лишь связующим звеном между политической и любовной линиями романа, не являясь при этом протагонистом. Примечательно и то, что рядом с фамильярным обращением «Марго», которое использовал лишь Карл IX, несколько алогично смотрится королевский титул, ведь монарх никогда не воспринимал сестру как равную. Не стоит опускать и тот факт, что анализируемые имена собственные являются широко известными, они в какой-то степени становятся символами определенных качеств, судеб, событий.

П. Мериме не ставит влиятельных политических деятелей в центр повествования. Фокус внимания автора сдвигается в сторону обычных горожан. В своих рассуждениях и наблюдениях писатель уходит от романтической интерпретации нравов. Главным героем становится гугенот Бернар де Мержи, прослеживается любовная линия между ним и католичкой Дианой де Тюржи. Через связь представителей разных вероисповеданий Мериме показывает, как далеко ушли люди в их религиозных предубеждениях: девушка, несмотря на свои пылкие чувства, постоянно пытается обратить возлюбленного в свою веру.

Его брат, атеист Жорж де Мержи, по определенным умозаключениям приблизившийся к католикам, выражает прогрессивное мнение. Он словно не находит своего места в описываемом обществе и в финале произведения погибает по вине Бернара. В этом эпизоде бесчеловечность и бессмысленность гражданской междоусобицы находят свое предельное выражение. Сцена смерти Жоржа, преисполненная стоического величия и мужества, заключает действие романа, создается впечатление, будто данный персонаж выходит на передний план произведения. Через разделение братьев и возлюбленных по разные стороны веры Мериме показывает, насколько алогичными выглядят религиозные распри на фоне человеческих чувств. В этих эпизодах автор старается донести до адресата один из наиболее значимых посылов романа – решение конфликтов путем гражданской войны и пролития крови недопустимо. Для Франции эта проблема была крайне актуальной в 1789-1815 гг., когда происходило множество серьезных потрясений, в частности восстаний, которые жестко подавлялись армией. На обеих сторонах были сограждане, иногда друзья и родственники. Один из героев романа Мериме с сожалением говорит, что страшно убивать человека, который просит пощады на родном для обоих языке.

Друзья Жоржа являются эпизодическими персонажами, именно они и становятся той самой нравственно угасающей молодежью, ведущей праздный образ жизни.

Автор создает лишь один полноценный образ исторической личности, принимающей непосредственное участие в описываемых событиях: несмотря

на то, что Карл IX упоминается всего в нескольких эпизодах, его портрет довольно выразителен. Автор показывает его лицемерным, циничным монархом.

А. Дюма же, наоборот, выбирает прототипы реальных людей в качестве основных персонажей своего произведения. Как было указано выше, в «Королеве Марго» можно выделить две основных сюжетных линии – любовную, в которой участвует две пары – Ла Моль с Маргаритой и Коконнас с Анриеттой, а также политическую, которая в большей степени развивается благодаря заговорам Екатерины Медичи. Помимо королевы-матери, во втором ответвлении повествования можно отметить значимое присутствие Генриха Наваррского и Маргариты, Карла IX.

Четко определить главных и второстепенных героев в «Королеве Марго» довольно затруднительно. Автор часто перемещается от одного персонажа к другому, ярко рисует каждый характер и тесно переплетает судьбы героев. Как уже было отмечено ранее, Дюма «подстраивает» историю под свои интересы. Он берет от нее лишь часть, чтобы преобразовать ее и использовать в своих целях. Так, например, Ла Моль жил в описываемое время и принимал некоторое участие в событиях, но в действительности не был ни гугенотом, ни молодым, ни графом, иными словами, совсем не был похож на того романтического героя, каковым рисует его Дюма. В образе Маргариты же смешаны сестра Франциска I (1492-1549), поэтесса и писательница, и жена Генриха IV (1553-1615), знаменитая своими любовными похождениями [Вышкин 2009].

В обоих романах актуализируется миф о братьях-врагах. Как уже было указано выше, в центре повествования «Хроники царствования Карла IX» находятся два брата, Бернар и Жорж де Мержи, которые сильно отличаются друг от друга. Бернар является ярким верующим, в то время как Жорж отрекается от религии. Дальнейшая репрезентация событий Варфоломеевской ночи будет показана Мериме в частности через призму идеологического противостояния братьев, о чем будет подробнее сказано позже. В романе Дюма этот миф принимает несколько иную форму: автор показывает братскую дружбу

между Ла Модем, являющимся гугенотом, и Коконнасом – католиком. Их отношения нельзя назвать простыми, ведь на протяжении повествования они несколько раз ступают на путь вражды, затем примиряются, но в итоге остаются друзьями, которых даже смерть не в силах разлучить.

Наиболее значимым историческим событием, фигурирующим в каждом из произведений, является Варфоломеевская ночь. Интересно утверждение исследователей о том, что Ночь Святого Варфоломея входит «в тот весьма ограниченный набор событий, что образуют собой каркас массовых исторических представлений о всеобщей истории» [Уваров 2001, с. 7]. Актуальность данной работе придает рассмотрение образа данной трагедии, интересующей ученых по сей день.

Несмотря на то, что П. Мериме изображает несколько важных событий 1572 г. (убийство Колиньи, резня, осада Ла Рошели), Варфоломеевская ночь становится центральным. Именно во время резни изобличается все самое порочное, что накопилось в душах людей.

В «Королеве Марго» Варфоломеевская ночь, напротив, не является кульминационным моментом, она происходит в начале произведения, композиционно является развитием действий, последовавшим после завязки в виде свадьбы Маргариты Валуа с Генрихом Бурбоном и определяющим развитие двух основных сюжетных линий романа. Это говорит о том, что в фабульном плане акценты автора по большей части расставлены не на исторических событиях.

И Мериме, и Дюма хотят не только воссоздать картину события, но и придать ему вневременную ценность. В анализируемых произведениях Варфоломеевская ночь символизирует все прошлые и будущие политические и религиозные преступления.

Более того, обращения писателей к резне 24 августа 1572 г. подтверждают то, что это событие является центральным в истории Франции, оно оказало влияние на формирование национальной идентичности и спустя века помогало отвечать на актуальные вопросы современности Мериме и Дюма.

2.3 Особенности языка в исторических романах

Использование лингвистических и стилистических приемов – безусловно важный этап создания художественной работы. Они способствуют формированию индивидуального стиля автора и созданию художественных образов, из которых и состоит любое произведение. Средства художественной выразительности способны усилить впечатление от текста, подчеркнуть логику изложения, выделяя наиболее важные компоненты смысла, придать тексту наглядность, эмоциональность.

В главах, которые описывают события, предшествующие ночи с 23 по 24 августа 1572 г., П. Мериме демонстрирует читателю духовное состояние общества в преддверии трагедии. Так, с первых страниц романа автор показывает религиозную и политическую разрозненность народа. Например, контекстно антонимичных посредством восклицательных предложений: «Vive monsieur le prince!» [Mérimée 1890, с. 17], «Vive le duc de Guise et mort aux huguenots!» [Там же, с. 17], – такие лозунги были написаны на здании. «Pauvre madone qui semblait avoir eu le plus à souffrir des fureurs civiles et religieuses» [Там же, с. 18], – метонимия, олицетворение и эпитеты используются при создании образа разрушенной революционерами статуи Мадонны. В том же абзаце можно найти перифраз («des images païennes» [Там же, с. 18]) и гиперболизированное сравнение («... le cavalier protestant se croyait obligé de lui lâcher un coup d'arquebuse; et, s'il l'avait touchée, il s'estimait autant que s'il eût abattu la bête de l'Apocalypse et détruit l'idolâtrie» [Там же, с. 18]), имеющие негативную коннотацию и иллюстрирующие жестокость гражданских распрей.

От лица немецкого капитана рассказывая о поведении людей в высших кругах общества, автор дополняет картину настроений того времени. Высказывание рейтара, описывающего свою случайную встречу с королем, адмиралом и Гизом, наполнено развернутыми сравнениями («... il me semblait voir l'homme qui montre le lion à la foire» [Там же, с. 28], «... il lui fait donner la

patte comme on fait d'un chien» [Там же, с. 28]) и эпитетами («l'air piteux» [Там же, с. 28], «terrible griffes» [Там же, с. 28]), использована метафора («... on eût dit que le roi sentait les griffes de l'Amiral» [Там же, с. 28]). Внедрение в текст короткого эпизода встречи лидеров трех партий, претендующих на власть во Франции, служит формированию атмосферы напряженных политических конфликтов, которые скрывались за маской всеобщего дружелюбия и смирения. «C'était des lèvres et non du cœur qu'elle avait été jurée» [Там же, с. 18], – противопоставление, говорящее о том, насколько зыбки были заключенные несколько месяцев назад мирные соглашения.

Однако Мериме не считает, что резня была запланирована, о чем он рассуждает как в предисловии, так и в основной части произведения. Например, описывая Карла IX, писатель использует следующую метафору: «on ne lit pas écrit dans ses yeux: SAINT-BARTHÉLEMY, ni rien de semblable» [Там же, с. 126], а также графически выделяет определенные слова как наиболее важные компоненты смысла.

Как уже было указано выше, наиболее красочным историческим образом в романе Мериме становится король Карл IX. Автор изображает его всего в паре эпизодов, но при этом успевает показать читателю лицемерную сущность данного персонажа. «Sa justice est la même, oui! Les Châtillon, les Montmorency et les Guise tous ensemble, Charles et sa digne mère voudraient les abattre tous d'un seul coup» [Там же, с. 115], – ироничное высказывание де Бонисана, а также замечание Ла Ну, произнесенное уже в конце романа («... la dernière fois que Mr l'Amiral passa par notre ville, il nous dit: Le roi m'a donné sa parole que ses sujets protestants et ses sujets catholiques seraient traités de même. Six mois après, le roi, qui lui avait donné sa parole, l'a fait assassiner» [Там же, с. 336]), – тому подтверждение. Лексический повтор «donné sa parole» акцентирует внимание на том, что король предательски не сдержал обещание. Во время охоты, убивая животное, ранее говорящий о своем равном отношении к обеим партиям, Карл IX восклицает: «Tiens, parpaillot!» [Там же, с. 160], – он использует термин, которым католики презрительно нарекали кальвинистов. Этот эпизод

становится прообразом «охоты» на гугенотов в Варфоломеевскую ночь, в нем автор оценивающе подчеркивает жестокость и циничность короля. Не желая сосредотачивать внимание на именитых личностях, с помощью одних лишь деталей писатель точно и полно формирует их образы.

По мнению автора, духовное увядание религиозно фанатичных французов становится предпосылкой к Варфоломеевской ночи. Именно молодых дворян он помещает в центр повествования, через вымышленных персонажей раскрывая пороки всего поколения, всего народа. «*Ce n'est pas une citadelle facile à prendre*» [Там же, с. 69], – пренебрежительно говорит Жорж о Диане де Тюржи, используя пошлое сравнение. Он также добавляет аллегорию: «*C'est une des plus dangereuses Circés*» [Там же, с. 69]. «Цвет общества» шутит о религиях, сплетничает о женщинах, дуэлях, обсуждает чужие смерти. Писатель использует эвфемизмы, подчеркивая вульгарность их высказываний: «*Quand le sermon est fini, on éteint les lumières, et alors il se passe de belles choses*» [Там же, с. 70], «*il entraît au prêche, et, dans l'obscurité, je vous laisse à penser si notre camarade employait son temps*» [Там же, с. 71]. В речи дворян присутствует много эпитетов, которые указывают на праздность жизни молодых людей и поверхностность интересующих их тем: «*jeunes galants*» [Там же, с. 69], «*contes absurdes*» [Там же, с. 70], «*femme superbe*» [Там же, с. 70], «*éclats de rire continuels*» [Там же, с. 60], «*belle humeur*» [Там же, с. 60] и т. д. Также примечателен эпизод, в котором секундант сразу же после прощальной речи забирает себе часы погибшего на дуэли друга, не испытывая к нему ни сожаления, ни уважения: «... *tu n'as plus besoin de savoir l'heure qu'il est maintenant <...> Il en essuya la lame à la chemise du mort*» [Там же, с. 174-175].

Вечером, в преддверии Варфоломеевской ночи, главный герой, гугенот Бернар де Мержи, идет по улице и спрашивает людей, куда они направляются. Автор использует антифразис и вкладывает в уста разных прохожих слова, которые повторяются трижды: «*Au Louvre, mon gentilhomme, pour le divertissement de cette nuit*» [Там же, с. 275]. Выбор субстантива «*divertissement*» в ироничном контексте подчеркивает и усиливает отсутствие положительной

коннотации этого слова.

Гугеноты и католики – два мира, в каждом из которых есть свой предводитель, своя церковь, своя армия. Анализируя эпизоды, в которых описывается резня, стоит выделить многократное использование антитез, в очередной раз, в кульминационный эпизод, иллюстрирующих тотальную оппозицию двух религий: «des cris de douleur et des hurlements de joie» [Там же, с. 289], «un mélange singulier d'angoisse et de triomphe» [Там же, с. 290]. Эпитеты используются для того, чтобы наиболее выразительно и эмоционально описать события («vacarme effroyable» [Там же, с. 290], «scènes sanglantes» [Там же, с. 290], «pauvres passants» [Там же, с. 296], «corps morts» [Там же, с. 296], «cris perçants» [Там же, с. 298]) и охарактеризовать состояние главного героя («sueur froide» [Там же, с. 290], «crainte lâche» [Там же, с. 291]). Ни автор, ни гугенот де Мержи не разделяют торжествования католиков, поэтому использование семантически негативно окрашенных слов превалирует. Можно также выделить тематическую лексику («massacreurs», «assassins», «sang», «cadavres», etc.).

Особенное воздействие на читателя Мериме оказывает в момент, когда двое мужчин убивают женщину с ребенком на руках. С помощью аффекта он привлекает внимание адресата, вызывает у него сочувствие к судьбе младенца [Торопова 2022]. Путем помещения невинного ребенка в эпицентр резни, автор демонстрирует аморальность происходящего. «Deux hommes la poursuivaient <...> comme des chasseurs qui suivent une bête fauve» [Mérimée 1890, с. 298-299], «... une de ces chiennes d'hérétiques» [Там же, с. 299], – в данных фразах мы находим сравнения и эпитеты, выражающие отношение католиков к своим врагам, которых они безжалостно убивают и не считают за людей. В анализируемом эпизоде мужчины даже не задумываются о том, что они расправляются с беззащитными женщиной и младенцем, отчаянно пытающимися спастись и не представляющими для них никакой опасности. Позже они продолжают с гордостью и насмешками обсуждать события прошедшей ночи: «Et le gros ministre! ajouta le dernier; comme j'ai ri! Il était si gros qu'il ne pouvait enfoncer dans l'eau» [Там же, с. 315]. Высказывания

католиков изобилуют сравнениями гугенотов с животными: с собаками, с лягушками, со свиньями. Чуть позже те же паписты, яро отстаивавшие свою веру, без колебаний нарушают священный пост. Тем самым автор показывает, что не искренняя преданность религии на самом деле движет католиками, а их фанатизм и жестокость, которые готовы были вырваться наружу в любой удобный момент.

Особое место в романе занимает брат главного героя. Как уже было указано выше, Мериме вкладывает в уста Жоржа де Мержи прогрессивно-просветительские мысли. Читатель следит за глубокими и сложными внутренними изменениями данного персонажа. Он является одной из «жемчужин» дворянского общества. Жорж находится в непрерывном поиске истины, в его смелых высказываниях сконцентрированы основные идеи всего произведения: «Papistes! huguenots! superstition des deux parts. Je ne sais point croire ce que ma raison me montre comme absurde. Nos litanies et vos psaumes, toutes ces fadaises se valent» [Там же, с. 83] («Паписты! Гугеноты! Суеверие с двух сторон. Я не могу верить в то, что мой разум считает абсурдным. Наши литании, ваши псалмы, вся эти глупости стоят одна другой») (Перевод наш. – А. Т.), «Ah! quand pourrai-je quitter ce pays de meurtres et de crimes? s'écriait George. J'aimerais mieux vivre au milieu des bêtes sauvages que de vivre parmi les Français» [Там же, с. 304] («Ах! Когда смогу я покинуть эту страну убийств и преступлений! – воскликнул Жорж. – Я бы предпочел жить среди диких зверей, чем среди французов») (Перевод наш. – А. Т.).

Хотелось бы также отметить фразу мечтающего о прекращении междоусобной распри Ла Ну, которая выражает принципиально важный посыл романа, связанный с бессмысленностью гражданской войны: «C'est une horrible chose que la guerre, dit-il; mais une guerre civile! <...> Ce boulet a été mis dans un canon français; c'est un Français qui a pointé le canon et qui vient d'y mettre le feu, et ce sont deux Français que ce boulet a tués» [Там же, с. 342-343]. Восклицательное предложение, лексические повторы слова «français» и эпитеты служат для выделения семантических акцентов.

Несмотря на то, что Варфоломеевская ночь в романе «Королева Марго» композиционно располагается в начале произведения, А. Дюма так же, как и П. Мериме, успевает погрузить читателя в тревожную атмосферу, пронизанную предчувствием грядущей беды и духовной разрозненностью народа. Хочется отметить, что «Королеве Марго» присущи черты карнавальности, однако каждый праздник влечет за собой трагические события. Так, во время королевской охоты чуть не погибает Карл IX, убийство Колиньи представляется католикам праздником, площадь, на которой казнят Ла Моля и Коконнаса, сравнивается с амфитеатром и, конечно же, возвращаясь к резне, – ей предшествует свадьба Маргариты Валуа с Генрихом Бурбоном. Ярко и величественно описанному празднеству противопоставлены нравоучительные авторские сентенции, негодование горожан и напряженность в отношениях между двумя враждующими партиями. Например, эпитеты «*fête royale*» [Dumas 1903, с. 7], «*retour de fortune bien inespéré*» [Там же, с. 13], «*compliments bien mérités*» [Там же, с. 14] становятся контекстуально антонимичными для семантически негативных тропов. Им контрастны эпитеты «*comédie humaine*» [Там же, с. 17], «*formidables ennemis*» [Там же, с. 14], «*yeux flamboyants*» [Там же, с. 18], «*voix menaçante*», [Там же, с. 18], «*ennemis implacables*» [Там же, с. 18]. Автор использует сравнение и эпитеты, чтобы описать настроения встревоженного народа: «*Tout ce concours menaçant, pressé, bruyant, ressemblait <...> à une mer sombre et houleuse*» [Там же, с. 7]. Также акцент ставится на противопоставлении поведения людей до свадьбы и во время нее: «*... tous les principaux du parti, triomphaient de voir tout-puissants au Louvre et si bien venus à Paris ceux-là mêmes que trois mois auparavant le roi Charles et la reine Catherine voulaient faire pendre à des potences plus hautes que celles des assassins*» [Там же, с. 13], «*... car ceux qui lui parlaient, ceux qui le félicitaient, ceux qui le coudoyaient, étaient ceux-là mêmes qui avaient assassiné la courageuse Jeanne d'Albret*» [Там же, с. 16]. Вышеуказанные предложения становятся синтаксически параллельными ввиду употребленной конструкции «*ceux-là mêmes qui...*»; также стоит отметить анафору «*ceux qui*», которая в очередной раз фокусирует внимание читателя на

противоречивости поступков персонажей.

Язык Дюма очень образен и красочен, писатель чаще, чем Мериме, использует средства художественной выразительности, зачастую создавая очень изобретательные тропы и сочетая несколько приемов в одном предложении. «La musique qui enivrait les huguenots, c'était la voix de leur orgueil» [Там же, с. 18], – в данной короткой фразе можно выделить метафору («la musique qui enivrait»), сравнение («la musique <...> c'était la voix») и олицетворение («la voix de leur orgueil»). Синтаксически параллельное предыдущему предложение, в котором также можно выделить метафоры («ces lueurs qui passaient aux yeux», «les éclairs de leur haine») и сравнение («ces lueurs <...> c'étaient les éclairs»): «Ces lueurs qui passaient aux yeux des Parisiens au milieu de la nuit, c'étaient les éclairs de leur haine qui illuminaient l'avenir» [Там же, с. 18].

Так как Карл IX в обоих анализируемых произведениях является активно действующей фигурой, имеющей исторический прототип, хотелось бы обратить внимание на его образ и в «Королеве Марго». Несомненно, в произведении Дюма ему отводится куда более значительная часть фабульного времени и, соответственно, он сильнее влияет на описываемые события. Конечно, это связано с обилием персонажей-приближенных к королевской семье, с которыми Карл IX взаимодействует на протяжении всего повествования.

Выберем для анализа и сопоставления сюжетно схожие эпизоды. В «Хронике царствования Карла IX» и «Королеве Марго» есть главы, в которых король недвусмысленно намекает на убийство адмирала. В первом случае – Жоржу де Мержи (в главе «L'audience particulière»), во втором – Франсуа де Морвелю (в главе «Un roi poète»). Оба автора описывают интерьер, только у Мериме действие разворачивается в кабинете, убранство которого составляют охотничьи принадлежности, а у Дюма – в Оружейной палате, изобилующей лучшими образцами наступательного и оборонительного вооружения. У обоих писателей Карл IX, до этого уделявший время поэзии, приветствует гостя за столом. В обоих романах король ведет себя лицемерно, однако Дюма указывает на это более открыто. Так, прямо перед диалогом с Морвелем, зная, что вскоре

адмирала убьют, Карл IX врет Колиньи о своих планах, чтобы усыпить его бдительность. В его речи используются глаголы в форме будущего времени: «Tu feras une espèce de conseil qui gouvernera tant que tu seras à la guerre; et pourvu que ma mère n'en soit pas, tout ira bien» [Там же, с. 74]. И, когда король продолжает лгать все больше, в его речи появляются повтор и гипербола: «Après toi, mon père, après toi <...> je veux te mettre à la tête de toutes choses» [Там же, с. 77]. В высказывании Карла IX также встречается метафора: «Dans mes bras, sur mon cœur, c'est là ta place» [Там же, с. 78]. Принимая участие в заговоре против адмирала, Карл IX в его лице предаёт и всех остальных гугенотов. Примечательной деталью становится утверждение короля, правдивое лишь на словах, о равенстве католиков и кальвинистов в его глазах, в разной формулировке не раз повторяющееся в начале произведения: «Catholiques ou huguenots <...> peu m'importe» [Там же, с. 69], «... j'aime également tous mes sujets» [Там же, с. 84], «... huguenots et catholiques sont également mes enfants» [Там же, с. 84].

Отрицательные качества Карла IX проявляются и в разговоре с герцогом Гизом, когда последний просит одобрения на массовое уничтожение гугенотов. В уклончивом ответе короля присутствуют лексический повтор и глаголы в форме императива: «Faites sans moi, faites!...» [Dumas 1903, с. 149]. Карл IX, казалось бы, таким образом даёт согласие, но при этом пытается остаться в стороне. Дюма показывает заговор запланированным интриганкой Екатериной Медичи и герцогом Генрихом Гизом, но, как и у Мериме, «подхваченным» озлобленным народом и все же не выверенным задолго до резни.

Карла IX Дюма также считает виновным в трагедии из-за его личностных качеств, в том числе слабохарактерности, которая не позволяла ему воспротивиться влиянию матери. Более того, охваченный безумным гневом, король с забавой и радостью стрелял из своего окна в Лувре протестантов: «Charles IX avait pris grand plaisir à la chasse aux huguenots» [Dumas 1903, с. 388].

Скорее всего, причины подобного поведения Карла IX, пусть и действительно недолголюбивавшего гугенотов в силу характерного для тех

времен воспитания, Дюма находит в том, что король был очень несчастлив. Об этом говорит детальный психологический портрет, скрытый автором за откровенными высказываниями Карла IX в приступе гнева: «Est-ce que, excepté mes chiens, Marie Touchet et ma nourrice, est-ce qu'il y a quelqu'un qui m'ait jamais aimé?» [Dumas 1904, с. 193], «... je ne vois autour de moi que des yeux faux et ne touche que des mains glacées» [Там же, с. 194], «... le roi de France n'est pas votre fils lui, le roi de France n'a pas de frères, le roi de France n'a pas de mère, le roi de France n'a que des sujets. Le roi de France n'a pas besoin d'avoir des sentiments, il a des volontés» [Там же, с. 195] (в данном примере представлены два предложения, выразительность и эмоциональность которых усиливает анафора). Под гнетом и давлением Екатерины Медичи с одной стороны и ответственностью, приходящей с титулом монарха, – с другой, король был неуверен в себе и не мог открыто противостоять матери и братьям. Терзаемый противоречиями, боясь нажать себе еще больше врагов, он не знал, кому можно довериться и как нужно действовать. В будущем его мучают раскаяние из-за Варфоломеевской ночи и чувство, что он внушает людям лишь страх, а не любовь. Осознание собственных ошибок говорит об эволюции героя. Тем не менее Карл IX становится участником многих заговоров и, согласно романтическому мотиву возмездия, в финале произведения он умирает одиноким, автор даже не предоставляет своему герою счастливой возможности провести последние минуты рядом с любимой женщиной и незаконнорожденным сыном.

Интересен тот факт, что в массовом сознании, несмотря на многочисленные попытки исследователей переосмыслить травматичный опыт Варфоломеевской ночи, найти истинных виновников трагедии, усиливается именно предложенная Дюма версия. Исторические личности также представляются людям такими, какими их изобразил вышеупомянутый писатель. М. Слуховски утверждает: «В своем восприятии Маргариты де Валуа историки проигрывают Дюма, находясь в плену мелодраматизма романа “Королева Марго”» [Слуховски 2001, с. 198].

Переходя к анализу событий ночи 24 августа 1572 г., хочется отметить, что в «Королеве Марго» они выходят на передний план как национально-исторический нарратив. В общем и целом, повествование в романе строится так, что читатель остается сосредоточенным скорее на любовных и политических интригах, однако нельзя утверждать, что автор никак не выделяет Варфоломеевскую ночь. Дюма использует лексические и стилистические средства для создания экспрессивных сцен насилия, насыщенных аффективными эмоциями, привлекающих внимание читателя. Ввиду того, что Варфоломеевская ночь в «Королеве Марго» занимает больше глав, а время в данном произведении «растянуто» сильнее, чем в романе Мериме, Дюма располагает большим пространством для использования различных художественных приемов.

Как и в «Хронике царствования Карла IX», можно выделить лексическое поле, связанное с резней, в которое входят: виды оружия («*épées*», «*piques*», «*arquebuses*» и др.), физиология («*cadavres*», «*sang*», «*mort*» и др.) и семантический комплекс, связанный со словом «убийство» («*assassin*», «*assassinat*», «*massacre*», «*massacrés*», «*massacreurs*» и др.).

Картины события у Дюма звучат и визуализируются: «... *une flamme brillante et le bruit des arquebusades les guidaient de ce côté*» [Dumas 1903, с. 195], «... *des flambeaux qui répandaient sur cette scène un jour funèbre et vacillant...*» [Там же, с. 198], «*De longs cris se faisaient entendre, la mousqueterie pétillait...*» [Там же, с. 199]. При помощи текста он воздействует на различные возможности чувственного восприятия адресата [Нужная 2016].

Части эпизодов, в том числе посвященных последствиям Ночи Святого Варфоломея, присуща натуралистичность, зачастую, однако, украшенная многочисленными эпитетами: «*Au gibet principal pendait une masse informe, un cadavre noir, souillé de sang coagulé et de boue blanchie par de nouvelles couches de poussière. Au cadavre il manquait une tête. Aussi l'avait-on pendu par les pieds*» [Dumas 1903, с. 415].

Как и в романе «Хроника царствования Карла IX», в произведении Дюма

можно выделить эпизод, в котором автор вводит образ убитого ребенка и вызывает у адресата сочувствие к его судьбе. Разница заключается в том, что подросток в «Королеве Марго», после драматической подводки, умирает от рук Коконнаса ради важной для него идеи: во имя преданности собственной религии. В данном эпизоде актуализируется романтический миф о ребенке-страдальце в реалиях боевых действий, который позже найдет свое предельное выражение у Гюго в образе Гавроша [Торопова 2022].

Говоря о Коконнасе, на примере субъектно-речевого плана данного персонажа автор показывает читателю психологию убийц во время событий трагической ночи. Дюма использует метафору («ivre de sang et de bruit») и устойчивое выражение («n'avait rien vu, rien entendu»), передавая внутреннее состояние героя: «Coconnas, ivre de sang et de bruit, arrivé à cette exaltation où, pour les gens du Midi surtout, le courage se change en folie, n'avait rien vu, rien entendu» [Dumas 1903, с. 242]. Молодой дворянин, забыв о товариществе с Ла Модем, после недолгих уговоров со стороны Морвеля, слепо поддается всеобщему фанатизму. Подобные намеки на ослепленность жестокости настроениями масс и религиозным «опьянением» схожи с идеями Мериме о социальной природе конфликта.

Описание Варфоломеевской ночи насыщено экспрессией и оценочной коннотацией в восприятии события и характеристики героев [Stepanova 2022]. Симпатии Дюма однозначно на стороне гугенотов, поскольку в его трактовке именно они являются жертвами: об этом свидетельствуют уже «говорящие» названия глав, посвященных трагической ночи: «Les massacrés» и «Les massacreurs», а также идеализация героев-гугенотов как жертв политических интриг. Автор, к примеру, многократно прибегает к использованию сравнений, в которых выбирает субстантивы с отрицательной оценочной семантикой для формирования образов католиков, воинственно настроенной толпы (демоны, свора), а с положительной – для образов преследуемых гугенотов (лань, коты): «De longs cris se faisaient entendre, la mousqueterie pétillait, et de temps en temps quelque malheureux, à moitié nu, pâle, ensanglanté, passait, bondissant comme un

daim poursuivi, dans un cercle de lumière funèbre où semblait s'agiter un monde de démons» [Dumas 1903, с. 199], «... de cette foule haletante et pressée comme une meute» [Там же, с. 199], «Ces misérables parpaillots <...> il faudra les jeter à l'eau comme les chats...» [Там же, с. 225]. Можно отметить, что Дюма, как и Мериме, зачастую использует именно анималистические сравнения: «L'un avait disparu à la manière du tigre, l'autre à celle du loup» [Там же, с. 223].

Выводы по Главе II

Таким образом, можно сказать, что перед нами два произведения, художественное время и пространство которых охватывает во многом одинаковые события (1572 г. во Франции), включающие в себя конфронтацию между католиками и гугенотами, смерть адмирала Колиньи, Варфоломеевскую ночь и ее последствия. Безусловно, этот исторический фон является основным связующим звеном между анализируемыми романами. Также в большем или меньшем количестве в произведениях упоминаются одни и те же исторические личности. Однако каждый из авторов преследует разные цели, их задумки, сильно отличающиеся друг от друга, влияют на все пласты формы и содержания их произведений, что авливает наличие индивидуальных особенностей изображения и переработки одного и того же исторического материала.

Средства художественной выразительности играют важную роль в литературном произведении. Они помогают автору при создании художественного мира, отражают позицию писателя, выделяют наиболее важные смысловые компоненты, усиливают впечатление от текста. Средства художественной выразительности в романе «Хроника царствования Карла IX» служат реализации авторского замысла. П. Мериме стремится всесторонне, правдиво и объективно охарактеризовать общественную атмосферу, воспроизвести социальную действительность Франции второй половины XVI в. Писатель уделяет предельное внимание изображению нравов и настроений

простых людей. А. Дюма при помощи средств художественной выразительности создает увлекательное, интригующее произведение. Ввиду того, что «Королева Марго» изначально – роман-фельетон, априори нацеленный на широкую аудиторию, каждая его глава должна была быть интересной для любого читателя, то есть фабула – захватывающей, а язык – понятным, но при этом красочным и выразительным. В большей степени, достижению подобного эффекта служат различные лингвистические и стилистические средства, коими изобилует произведение Дюма.

В романе «Хроника царствования Карла IX» Варфоломеевская ночь является кульминационным эпизодом, именно с этим событием связаны наиболее яркие тропы и речевые фигуры. В анализируемом произведении наиболее часто встречаются эпитеты, сравнения, контекстные антонимы, стилистические повторы, восклицания. В романе «Королева Марго» встречается множество различных средств художественной выразительности, язык Дюма очень красочен. Автор зачастую сочетает несколько приемов в одной фразе. Он использует многочисленные эпитеты, метафоры, сравнения, повторы, антонимы, зачастую прибегает к синтаксическому параллелизму.

Можно проследить сходные тенденции в выборе авторами лингвостилистических средств ввиду изображения образов с одинаковыми прототипами, предполагающих решение одной и той же коммуникативной задачи. Так, к примеру, напряженный конфликт между католиками и гугенотами создается с помощью антонимичных номинаций и частых противопоставлений.

Для обеспечения эффективности текста средства словесной выразительности выступают во взаимодействии, но их общая функция – реализация авторского замысла: воздействия на читателя.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрим результаты исследования, целью которого являлось определение особенностей изображения исторических событий 1572 г. в романах П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» и А. Дюма «Королева Марго». Для достижения цели был изучен теоретический материал, связанный со становлением, особенностями и сферой применения сравнительно-исторического метода в литературоведении. Помимо этого, по итогам работы с авторитетными научными источниками была выявлена жанровая специфика и изучен процесс становления французского исторического романа. Было выполнено исследование: проанализированы и сопоставлены особенности названий, жанровой спецификации, авторских интенций, субъектов, системы персонажей избранных произведений. Кроме того, особое внимание было уделено Варфоломеевской ночи как наиболее исторически-национально значимому событию в каждом из рассматриваемых романов. Также были выявлены языковые особенности романов «Хроники царствования Карла IX» и «Королевы Марго».

Резюмируя полученные результаты, можно сделать следующие выводы.

Исторический роман в различных проявлениях существовал во французской литературе в течение многих веков, но в знакомом читателю XXI в. виде он оформился благодаря развитию исторической науки. Задача исторического романа – художественно воссоздать события и людей в условиях конкретной эпохи. «Хроника царствования Карла IX» П. Мериме признается одним из самых значимых исторических романов первой половины XIX в., некоторые исследователи относят его произведение к художественной исторической прозе. После 30-х годов XIX в. во французской литературе наиболее популярной формой исторического романа становится авантюрно-исторический роман, мастером которого признается А. Дюма.

Удалось доказать, что сравнение близких в пространстве и времени литературных текстов является одной из наиболее эффективных сфер

применения литературоведческой компаративистики. Более того, получилось на конкретном примере проследить неоднородный процесс перехода от романтизма к реализму во французской литературе первой половины XIX в. Специфика сравнительно-исторического изучения жанра исторического романа во французской литературе XIX в. овлена неоднородным переходом от романтизма к реализму. Несмотря на то, что из двух анализируемых в данном исследовании произведений роман П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» был написан на 16 лет раньше (в 1820-е гг., когда во французской литературе ведущим направлением являлся романтизм), предисловие к нему является значимым документом в истории становления реализма. Роман А. Дюма «Королева Марго», напротив, сохраняет множество черт романтизма, в нем изображение истории (Варфоломеевской ночи) принципиально отличается.

У анализируемых произведений одинаковый хронотоп – события 1572 г. во Франции, оба автора изображают конфронтацию между католиками и гугенотами, смерть адмирала Колиньи и Варфоломеевскую ночь. В большем или меньшем количестве в произведениях упоминаются одни и те же исторические личности. Однако каждый из авторов преследует разные цели, их задумки, сильно отличающиеся друг от друга, влияют на все пласты формы и содержания их произведений, что авливает наличие индивидуальных особенностей изображения событий французской истории (Варфоломеевской ночи).

Средства художественной выразительности играют важную роль в анализируемых произведениях. Они помогают авторам при создании художественного мира, отражают позицию писателя, выделяют наиболее важные смысловые компоненты, усиливают впечатление от текста. В обоих романах они служат реализации авторского замысла. Языковые особенности в романе Мериме определяются стремлением писателя правдиво охарактеризовать общественную атмосферу, социальную действительность Франции в годы правления Карла IX. В романе А. Дюма, согласно концепции автора, лингвистические и стилистические средства помогают автору создать увлекательное, интригующее

произведение, художественный мир в котором состоит из ярких и запоминающихся образов.

В романе П. Мериме «Хроника царствования Карла IX» история начинает восприниматься в том же ключе, что и писателей-реалистов второй половины XIX в., во многом в этом произведении преодолевается романтическая идеализация прошлого, движущей силой истории мыслится народ, а протагонистом становится не исключительная личность, а обычный человек. В творчестве А. Дюма все еще сохраняется сильное влияние идей В. Скотта, в романе «Королева Марго» художественное пространство представляется миром любви, приключений и интриг с мастерски воссозданным историческим фоном. Так, исторические события 1572 г. (Варфоломеевская ночь) в анализируемых произведениях, пойдя через призму авторского восприятия, получают разную интерпретацию. Для А. Дюма Варфоломеевская ночь – трагедия духовная, а для П. Мериме – социальная.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Фактические источники:

1. Dumas A. La reine Margot. I. La Bibliothèque électronique du Québec. Collection À tous les vents. Vol. 207 : ver. 1.1. 1903. URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Dumas-Margot1.pdf> (дата обращения: 23.04.2023).
2. Dumas A. La reine Margot. II. La Bibliothèque électronique du Québec. Collection À tous les vents. Vol. 207 : ver. 1.1. 1904. URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/Dumas-Margot2.pdf> (дата обращения: 21.05.2023).
3. Mérimée P. La Chronique du règne de Charles IX. – Paris : Calmann Lévy. – 1890. – 373 p.

Монографии и книги:

4. Баканов А.Г. Современный зарубежный исторический роман. – Киев : Вища школа, 1989. – 184 с.
5. Буслаев Ф.И. Исторические очерки по русскому орнаменту в рукописях. – Петроград : типография Академии наук, 1917. – 216 с.
6. Бушмин А.С. Методологические вопросы литературоведческих исследований. – Л. : Наука, 1969. – 228 с.
7. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / А.Н. Веселовский; вступ. ст. И.К. Горского; коммент. В.В. Мочаловой. – М. : Высш. шк., 1989. – 404 с.
8. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. – М.: Прогресс, 1977. – 229 с.
9. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. – М. : Прогресс, 1979. – 318 с.
10. Жирмунский В.М. Избранные труды. Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л. : Наука, 1979. – 493 с.

11. Золотарев И. Параллели. – Орел: типография «Новое время», 2022. – 132 с.
12. Литературная компаративистика : антология / Под общ. ред. И.О. Шайтанова. – М. : Издательство РГГУ, 2021. – Т. 1. – 443 с.
13. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. Анализ поэтического текста. – СПб. : Искусство-СПб, 1996. – 846 с.
14. Лукач Г. Исторический роман. – М. : Common place, 2014. – 178 с.
15. Луков В. А. Изучение системы жанров в творчестве зарубежных писателей: Проспер Мериме. – М. : МГПИ, 1983. – 123 с.
16. Луков В. А. Мериме: Исследование персональной модели литературного творчества : науч. монография. – М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006. – 110 с.
17. Минералов Ю.И. Сравнительное литературоведение (компаративистика). – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2017. – 387 с.
18. Моруа А. Три Дюма / А. Моруа; пер. с фр. Л. Беспаловой, С. Шлапоберской. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. – 576 с.
19. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М. : Искусство, 1976. – 613 с.
20. Потебня А.А. Слово и миф. – М. : Правда, 1989. – 624 с.
21. Реизов Б.Г. Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л. : Гос. изд-во худ. литературы, 1958. – 567 с.
22. Реизов Б.Г. Творчество Вальтера Скотта. – Л. : Художественная литература, 1965. – 497 с.
23. Художественный перевод и сравнительное литературоведение : сборник научных трудов / Под ред. Д.Н. Жаткина. – М.: Флинта, 2019. – 656 с.
24. Gengembre G. Le roman historique. – Paris : Klincksieck, 2006. – 265 p.
25. Grivel C. Alexandre Dumas. Le bas-narrer, dans: Rene Guise et Hans-Jorg Neuschafer: Richesses du roman populaire, actes du Colloque International de Pont-a-Mousson. – L. : Publication de l'Universite de Limoges, 1986. – 381 p.

26. Grivel C. Alexandre Dumas. Le Parler noir. // Trames Litterature populaire. Peuple, nation, region, actes du Colloque de Limoges 18-19-20 mars 1986. – L. : Publication de l'Universite de Limoges, 1987. – 270 p.
27. Grivel C. Alexandre Dumas. – L. : Encrage, 1997. – 427 p.
28. Maigrion L. Le Roman historique à l'époque romantique. – Paris : Hachette. – 1898. – 443 p.

Словари и энциклопедии:

29. Благой Д. Исторический роман // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов : в 2 т. / Под общ. ред. Н. Бродского. – М. ; Л. : Л. Д. Френкель, 1925. – Т. 1. А-П. – С. 335-342.
30. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. – М. : Интелвак, 2001. – 1600 с.
31. Философский энциклопедический словарь / Под ред. Л. Ф. Ильичева, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалева, В.Г. Панова. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

Авторефераты и диссертации:

32. Бейнарович О.Л. История и вымысел в романах А. Дюма : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.03 / О.Л. Бейнарович. – Санкт-Петербург, 2002. – 200 с.
33. Вышкин А.Л. Поэтика романов А. Дюма «Королева Марго», «Графиня де Монсоро», «Сорок пять» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.03 / В.А. Львович. – Самара, 2009. – 22 с.
34. Мишина М.М. Художественное своеобразие романов А. Дюма с исторической тематикой : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук : 10.01.05 / М.М. Мишина. – Москва, 1993. – 190 с.
35. Matarneh M. La représentation de la Saint-Barthélémy: “Chronique du règne de Charles IX” de Mérimée, “Sur Catherine de Médicis” de Balzac, “La Reine

Margot” de Dumas // Littératures / M. Matarneh. – Toulouse : Université Toulouse le Mirail, 2012. – 375 p.

Статьи из сборников научных трудов и материалов конференций:

36. Вановская Т.В. Исторические романы Александра Дюма // Ученые записки ЛГУ. – Л. : 1941. – № 64 (8). – С. 125–152.

37. Васильев С.А. Юрий Иванович Минералов как теоретик сравнительного литературоведения (компаративистики) // Художественная словесность: теория, методология исследования, история : коллективная монография, посвященная памяти доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Юрия Ивановича Минералова. – М. : Литера, 2022. – С. 6-15.

38. Галай К.Н. Некоторые понятия литературоведческой компаративистики // Наука и современность. – 2011. – № 8-3. – С. 15-22.

39. Жачемукова Б.М, Бешукова Ф.Б. Художественная специфика жанра исторического романа // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.: Филология и искусствоведение. – 2011. – Вып. 1. – С. 13-19.

40. Литвиненко Н.А. Заглавие как вектор формирования популярной исторической романистики 1820-1830-х гг. во Франции // Наука и образование: проблемы, идеи, инновации. – 2019. – № 7 (19). – С. 43-47.

41. Макарова П.А. Исторический роман как жанр популярной беллетристики: трилогия о мушкетерах А. Дюма // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. – 2013. – № 2. – С. 167-175.

42. Нужная Т.В. Мифологизация пейзажных элементов и их функции в повести Ф.-Р де Шатобриана «Атала» // Научный диалог. – 2016. – №1 (49). – С. 149-158.

43. Нужная Т.В, Дурнова А. А. Средства словесной выразительности в романе Франсуазы Саган «Немного солнца в холодной воде» // Языковые единицы в свете современных научных парадигм. Материалы V Всероссийской

научно-практической конференции с международным участием. – Уфа, 2020. – С. 188-193.

44. Петренко Н.А. Сравнительное литературоведение в профессиональной подготовке будущих магистров филологии // Проблемы современного педагогического образования – 2020. – № 68-2. – С. 263-266.

45. Рябов Ф.Г. История в произведениях А. Дюма // Новая и новейшая история. – 2003. – № 1. – С. 181-190.

46. Слуховски М. Совращение и бойня: «Королева Марго» Патриса Шеро // Варфоломеевская ночь. Событие и споры. – М. : РГГУ, 2001. – С. 198-225.

47. Уваров П.Ю. Новые версии старого преступления // Варфоломеевская ночь: события и споры – М. : РГГУ, 2001. – С. 7-18.

48. Храпченко М. Типологическое изучение литературы и его принципы // Вопросы литературы. – 1968 – №2. – С. 55-82.

49. Bassan F. Dumas père et l'histoire. A propos du drame La Reine Margot // Revue d'histoire du théâtre. – 1991. – № 4. – P. 384-392.

50. Glaudes P. Les Duperies de l'Histoire dans la Chronique du règne de Charles IX // Revue des Sciences Humaines. – 2003. – № 270 – P. 105-129.

51. Mathe R. L'illusion historique dans la Chronique du règne de Charles IX // Europe – 1975. – № 53. – P. 38-46.

52. Raitt A. La Chronique du règne de Charles IX comme anti-roman historique // Roman populaire et/ou roman historique. – 1999. – № 4-5. – P. 77-83.

53. Stepanova A. Visual Aesthetics as a Reflection of the Traumatic Experience of the History: La Reine Margot by Alexandre Dumas and Patrice Chereau // Polylogue. Neophilological Studies. – 2022. – № 12. – P. 79-96.

54. Thorel-Cailleteau S. La Terreur en 1572 // Cahiers Mérimée. Publication de la Société Mérimée. – Paris : Editions Classiques Garnier. – №. 2. – 2010. – P. 23-40.

55. Viennot E. De la reine Marguerite à La Reine Margot: les lectures de l'Histoire d'Alexandre Dumas // L'École des lettres. – 1994. – № 13-14. – P. 81-105.

Электронные ресурсы:

56. История зарубежной литературы XIX века: [Электронный документ] / Под ред. Н.А. Соловьевой. – М. : Высшая школа, 1991. – 637 с. – Глава 33. П. Мериме. – URL: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/izl-hih-soloveva/33-merime.htm>. (дата обращения: 04.04.2023)

Статьи автора по теме выпускной квалификационной работы:

57. Торопова А.А. Образ Варфоломеевской ночи в романе А. Дюма «Королева Марго» // Мультикультурный мир: проблемы прикладных наук и коммуникации : Сборник статей 12-й Всероссийской студенческой научно-практической конференции (с международным участием), Санкт-Петербург, 22 мая 2023 года. – Санкт-Петербург: Российский государственный гидрометеорологический университет, 2023. – С. 53-60.

58. Nuzhnaia T.V., Toropova A.A. Les moyens d'expression linguistique dans le roman de P. Mérimée "La Chronique du Règne de Charles IX" // Диалог поколений: Изучаем. Обучаем. Учимся : Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2023 года / Под общей редакцией В.В. Кирилловой. Том II. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. – С. 62-69;

59. Toropova A.A. A comparative analysis of the novels "A Chronicle of the Reign of Charles IX" by P. Mérimée, "Queen Margot" by A. Dumas and "Young Henry of Navarre" by H. Mann // Dialogue of cultures : Материалы XVI Международной научно-практической конференции на английском языке. В 3-х частях, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2023 года / Сост. Е.Н. Лашина, М.С. Липатов, под общей редакцией В.В. Кирилловой. Vol. Часть III. – 198095, СПб., ул. Ивана Черных, 4.: Высшая школа технологии и энергетики федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего

образования «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна», 2023. – Р. 116-123;

60. Toropova A.A., Gorbovskaya S.G. «The talking dead», or the birth of a new myth on the examples of images of children in the literature of romanticism // Dialogue of cultures : Материалы XV Международной научно-практической конференции на английском языке. В 3-х частях, Санкт-Петербург, 17–19 мая 2022 года / Под общ. ред. В.В. Кирилловой, сост. К.А. Сечина. – СПб., 2022. – № 1. – С. 159-164.